

Е.П. Аквилонov

Бессмертие

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
Е11

Е11 **Е.П. Аквилонov**
Бессмертие / Е.П. Аквилонov – М.: Книга по Требованию, 2024. – 68 с.

ISBN 978-5-517-82396-0

Сочинение профессора протоиерея Е.П. Аквилонova. Санкт-Петербург. Репринтное издание по технологии print-on-demand с оригинала 1912 года

ISBN 978-5-517-82396-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ная физическому доказательству, истина безсмертія этимъ еще не опровергается, а только имѣетъ предъ собою открытый путь къ доказательствамъ изъ другихъ областей знанія.

Впрочемъ, при всей его распространенности, этотъ взглядъ не является неоспоримымъ. Приходится считаться съ крайней позиціей матеріалистовъ, отнюдь не мирящихся съ сомнительнымъ положеніемъ проблемы, но рѣшительно отрицающихъ будущую жизнь. По ихъ утвержденію, только одна матерія является субстанціей, всѣ же физическія явленія суть только произведенія матеріи, слѣдовательно, жизнь начинается вмѣстѣ съ тѣломъ и съ нимъ же кончается,—сознаніе рождается изъ мозговой матеріи и прекращается съ ея разрушеніемъ. «Физиологія», говоритъ Фогтъ, «опредѣленно и категорически свидѣтельствуешь противъ индивидуальнаго безсмертія, равно какъ и противъ обособленнаго существованія души». «Мысль», по словамъ Молешотта, «есть движеніе матеріи: безъ фосфора нѣтъ мысли». «Съ упадкомъ и разложеніемъ своего матеріальнаго субстрата», утверждаетъ Бюхнеръ, «посредствомъ котораго онъ достигнулъ сознательнаго существованія и сталъ личностью, и отъ котораго находился въ зависимости, духъ долженъ прекратить свое бытіе». «Октогенезисъ сознанія», говоритъ Геккель, «совершенно ясно показываетъ, что онъ—не «имматеріальная сущность», а только физиологическая функція мозга». Разстройство какой-нибудь одной части аппарата», говоритъ Дюрингъ, «сопровождается прекращеніемъ той или другой жизненной операціи, откуда слѣдуетъ, что гдѣ только распространяется жизнь, мы имѣемъ предъ собою лишь одну органическую функцію, а не Ding-an-sich (вещь въ себѣ) или выраженіе воображаемой сущности—душу. Эта основная пропозиція ведетъ къ отрицанію безсмертія души, потому что гдѣ нѣтъ души, тамъ не можетъ возникать и никакого вопроса объ ея смертности или безсмертіи».

Въ виду этихъ изумительно-поразительныхъ заявленій мы должны, прежде всего, отвѣтить матеріализму вообще, а затѣмъ уже постараться понять ту спеціальную его фазу, которая отправляется отъ произведеній мозга, а кончается душою. Какъ это, вообще, возможно здравомыслящему человѣку положительно заявлять, что душа не существуетъ по смерти? Какъ онъ можетъ знать объ этомъ? Всѣ физическіе факты отпосытаются къ заключенной въ тѣлѣ душѣ, но отнюдь не покрываютъ поля отдѣленной отъ тѣла души? Что въ земной

дѣйствительности душа никогда не существуетъ въ отдѣльности отъ тѣла,—это еще не доказываетъ того, что они поэтому неотдѣлимы другъ отъ друга. Для доказательства разрушимости души необходимо прослѣдить за смертью черезъ всю вселенную и рѣшительно удостовѣрить отсутствіе какого-либо духа на всемъ протяженіи, въ любой точкѣ, но этого сдѣлать никогда не могла и никогда не въ состояніи будетъ наука. И если бы это удалось сдѣлать съ однимъ или съ цѣлымъ миллиономъ тѣлъ, то изъ этого еще не происходитъ необходимости—добытый результатъ прилагать къ другимъ миллионамъ. Слѣдовательно, если подобные упомянутымъ трезвые ученые, столь выдающіеся въ своихъ научныхъ областяхъ, выводятъ ложныя заключенія за границами послѣднихъ, категорически высказываясь противъ безсмертія души, то они нарушаютъ всѣ правила своей собственной науки и обнаруживаютъ догматизмъ, легковѣріе, предубѣжденіе и ложную индукцію въ значительно бѣльшей степени, нежели самый консервативный христіанинъ. Законныя претензіи естествознанія могутъ состоять только въ томъ, что здѣсь, на землѣ, сознаніе никогда не существуетъ въ отдѣльности отъ мозга; что же касается посмертнаго бытія сознанія въ отрѣшенности отъ мозга, то наука по этому вопросу абсолютно ничего сказать не можетъ. Здѣсь уместно сослаться на извѣстный аргументъ Бѣтлера, что все, теперь существующее, имѣетъ въ свою пользу, по крайней мѣрѣ, гаданіе насчетъ непрерывнаго существованія, исключая возможности доказать бытіе чего-то такого, чѣмъ необходимо пресѣкалось бы это существованіе. Если нельзя доказать, что со смертью уничтожается душа, то уже самый фактъ существованія души теперь дѣлаетъ вѣроятнымъ продолженіе такого существованія и за гробомъ. Подобно тому, какъ фактъ однообразія природы, регулярности восхода и заката солнца, временъ посѣва и жатвы, морского прилива и отлива дѣлаетъ вѣроятнымъ продолженіе этихъ явленій и впредь, такъ и фактомъ существованія души оправдывается ожиданіе продолженія послѣдняго и по смерти, пока не будетъ доказано, что смерть есть уничтоженіе души. Но доказать, что смерть означаетъ собою разрушеніе души, можно или исходя изъ природы самой смерти, или отъ аналогіи. Не зная, однако, что такое представляетъ собою сама смерть, нельзя выводить заключенія о разрушеніи души на основаніи природы смерти; и, не имѣя возможности знать, что происходитъ съ животными

по смерти, мы опять не въ состояніи, по аналогіи, утверждать уничтоженіе души. Вслѣдствіе этого остается мѣсто для предположенія, опирающагося на фактъ теперешняго существованія души и отсутствія причинъ къ его прекращенію, что для души откроется загробное бытіе. Если бы, даже, кто нибудь сталъ утверждать, что Бога нѣтъ и, слѣдовательно, люди смертны, то онъ оказался бы иллогичнымъ съ его же точки зрѣнія, потому что, если мы существовали нѣкогда безъ Бога, то въ правѣ предполагать, по крайней мѣрѣ, что и впредь будемъ существовать безъ Него. Въ концѣ концовъ, даже самый крайній взглядъ атеистическаго матеріалиста можетъ логически привести послѣдняго къ агностицизму, по которому ничего доказать невозможно; за то земное существованіе благопріятствуетъ мнѣнію о продолженіи его и не лишаетъ человѣка надежды на лучшій міръ ¹⁾).

Весьма многіе факты свидѣтельствуютъ о томъ, что наша душа, а не матерія мозга является госпожой положенія. Здѣсь обыкновенно выступало съ своимъ неумолимымъ приговоромъ то направленіе въ философіи и естествознаніи, по которому всякое познаніе является результатомъ чувственности; что всѣ поразительныя проявленія человѣческаго интеллекта представляютъ собою только результатъ дѣйствія глазъ, ушей, носа, языка и рукъ; что нѣтъ ничего въ интеллектѣ, чего напередъ не было бы въ чувствахъ. Лейбницъ отвѣчалъ на это: поистинѣ, нѣтъ ничего въ интеллектѣ, чего не было бы напередъ въ чувствахъ, исключая самый интеллектъ. Какъ же доказать это? Доказательство продолжилъ Кантъ. По его мнѣнію, человеческая душа надѣлена способностями, законами и условіями, предшествоющими чувственному воспріятію, такъ что, возбужденная впечатлѣніями отъ внѣшнихъ предметовъ, она затѣмъ раскрываетъ таящіяся въ ней силы, употребляя и воспитывая чувства и, такимъ образомъ, производя знаніе, тогда какъ одни чувства оказываются въ совершенно безпомощномъ положеніи безъ сокровенныхъ силъ сознанія, лежащаго въ основѣ пріобрѣтенія всякаго знанія.

Тѣмъ не менѣе у каждого раждается вопросъ: какъ можетъ мыслить душа безъ своего орудія—мозга? На какой основѣ

¹⁾ Развитие и обоснованіе идеи самостоятельности душевной жизни человѣка см. въ докторской диссертациі о. *Е. П. Аквилонова* О физико-телеологическомъ доказательствѣ бытія Божія (Спб. 1905), стр. 125 сл.

будетъ дѣйствовать сознание по разлученіи съ мозговой матеріей? Единственный способъ проявленія человѣческой мысли здѣсь, на землѣ,—тотъ, что душа имѣетъ свои органы въ мозгу, въ нервахъ и мускулахъ. Что будетъ служить ей «медіумомъ», ея орудіемъ по разлученіи съ тѣлеснымъ организмомъ? Или, какъ выражались современные ап. Павлу совопросники (I Кор. XV, 35), «коимъ же тѣломъ приидутъ»?

Апостолу Павлу этотъ вопросъ представлялся безуміемъ, ибо нелѣпо думать, что можетъ полагаться предѣлѣ Божію всемогуществу, или что Богъ не въ состояніи дать тѣло душѣ, какъ это будетъ Ему благоугодно,—подобно тому, какъ Онъ сотворилъ различно организованныя существа для жизни въ противоположныхъ, повидимому, средахъ, каковы вода, земля и воздухъ, при чемъ пространство является въ видѣ дифферентныхъ формъ по отношенію къ матеріи. И подобно тому, какъ вновь проростающее изъ гніенія пшеничное зерно обнаруживаетъ жизнь, раждающуюся по смерти, тождество—при цѣломъ рядѣ перемѣнъ, такъ и динамическая энергія сознанія переживетъ тѣлесную смерть и сохранитъ свой типъ въ прославленной формѣ.

Нашъ испытующій разумъ не долженъ только предаваться пагубному сомнѣнію въ Божіемъ всемогуществѣ, встрѣчаясь съ необычною проблеммой насчетъ возможности безтѣлеснаго сознанія, по дѣйствию этого всемогущества. Очевидно, мы пока не въ состояніи постичь свойства той духовной сферы, въ которую сами еще не вошли, и которая совершенно непохожа на ту, которую мы опытно познали. Однако, кое-что и намъ доступно изъ этой отдаленной сферы. Въ продолженіе своего тѣлеснаго пребыванія сознание можетъ содержать въ себѣ нераскрывшіяся силы и способности, благодаря которымъ оно оказывается готовымъ къ посмертному существованію безъ употребленія органовъ чувствъ. Затѣмъ, сознание можетъ быть облечено духовнымъ тѣломъ, о которомъ пишетъ ап. Павелъ, земное же наше тѣло является только хранилищемъ динамической силы, и, такимъ образомъ, тѣло духовное служить орудіемъ для выраженія сознанія въ загробномъ мірѣ. Всякій организмъ, по словамъ Джозефа Кука, образуется жизненнымъ принципомъ, существующимъ прежде самаго организма, и, слѣдовательно, можетъ существовать такъ же и по смерти послѣдняго, воспроизводя организмъ самъ для себя, подобно тому, какъ падающій съ дерева плодъ уноситъ въ себѣ самомъ зерно,

заключающее организмъ будущаго дерева. А что динамическая сила нашей духовной жизни, дѣйствительно, переживетъ тѣло и воспроизведетъ соотвѣтствующій себѣ организмъ,—это станетъ въ высшей степени вѣроятнымъ, когда мы взглянемъ на дѣло съ чисто нравственной точки зрѣнія и въ связи съ Верховнымъ Устроителемъ нравственнаго міропорядка. Если, потомъ, мы обратимся къ нашему основному различенію и обратимъ вниманіе на то, что сознаніе не есть произведеніе мозга, но заправляетъ послѣднимъ, то склонимся въ пользу той мысли, что оно можетъ имѣть скрытыя для своего существованія силы и въ своемъ трансцендентальномъ существованіи можетъ употреблять, въ качествѣ служебнаго орудія, новое духовное тѣло.

Скажутъ, пожалуй: «все это таинственно»! Несомнѣнно, только не больше, по сравненію съ общепринятыми положеніями современнаго естествознанія, каковы, напр., гипотезы притяженія, атомовъ, энергіи, вибраціи и клѣточекъ. Если атомъ содія можетъ пережить разложеніе соли, воды, хлѣба, пищеваренія, ассимиляціи, циркуляціи, и при томъ еще сохранить въ неповрежденности каждое изъ принадлежащихъ ему свойствъ, то почему же это не простереть и на жизненно-динамическую способность сознанія? Если самый незначительный кусочекъ мускуса въ состояніи выдѣлять изъ себя частицы, которыхъ достаточно для наполненія довольно большого пространства въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ, безъ уменьшенія, при этомъ, своего вѣса хотя бы въ самой незначительной степени, то почему же наша душа не можетъ продолжать существованіе въ открывшейся предъ нею пустотѣ? Наступающая по смерти перемѣна представляется ли болѣе значительной по сравненію съ разложеніемъ воды, при которомъ она перестаетъ быть вкусною, освѣжающею, искрящеюся жидкостью и обращается въ воспламеняющійся, вредный и невидимый газъ и въ твердое, соединенное съ желѣзомъ, тѣло? И, однако, ни одинъ изъ перечисленныхъ элементовъ не уничтожается. Ученые естествовѣды утверждаютъ непрерывное существованіе субстанцій, не смотря на представляющееся чувствомъ совершенное ихъ уничтоженіе. Если химикъ можетъ взять серебряную чашу, погрузить ее въ азотную кислоту и сдѣлать такъ, что она совсѣмъ исчезнетъ, а затѣмъ введеніемъ мѣди осадить серебро на дно, извлечь, расплавить, отлить его и возвратитъ вамъ назадъ ту же чашу безъ малѣйшаго въ ней измѣненія, то что

же невѣроятнаго въ томъ утвержденіи, по которому Великій Химикъ вселенной можетъ сдѣлать, по крайней мѣрѣ, то же самое? Когда вы входите въ темную комнату, въ которой лучъ свѣта падаетъ на черное пятно,—вамъ ничего не видно. Станете ли вы, по этому, утверждать, что въ комнатѣ совсѣмъ нѣтъ свѣта? Въ такомъ случаѣ положите апельсинъ на линіи свѣта,—и комната въ тотъ же моментъ сдѣлается желтою, а это значить, что свѣтъ находился въ комнатѣ, не смотря на невоспріимчивость къ нему нашего зрѣнія. Подобнымъ же образомъ фотографическая пластинка открываетъ звѣзды, недоступныя зрительному воспріятію, микрофонъ—неслышимые ухомъ звуки, болометръ—неощущаемую нашей кожей чувствительность. Повсюду наука докладываетъ намъ о томъ, что сумма знаній, приобретаемыхъ нами посредствомъ нашихъ ограниченныхъ чувствъ, оказывается весьма ничтожной по сравненію съ необъятной областью, недоступною чувственному воспріятію, и что много предметовъ на небѣ и на землѣ, о которыхъ и не спилось нашимъ мудрецамъ.

Нельзя себѣ представить чего-либо болѣе опрометчиваго,—по сравненію съ невѣріемъ въ бытіе отшедшаго изъ тѣла духа, только потому, что кто-либо не въ состояніи совершенно постигнуть его, въ то время какъ мы вѣримъ въ тайны окружающей насъ вселенной и допускаемъ ихъ, не зная о нихъ ровно ничего. Съ такимъ же правомъ кто-либо могъ бы заявить, что онъ не вѣритъ въ электричество, потому что ничего не въ состояніи понять въ его реальной природѣ. Или объясните, если можете, какимъ образомъ называемыя свѣтомъ и теплотою эфирныя волны кооперируются, проникаютъ и окрашиваютъ твердыя тѣла, жидкости и газы, или проходятъ сквозь толщу тяжеловѣсныхъ субстанцій, для нихъ какъ бы несуществующихъ, или, въ качествѣ молніеносныхъ вѣстниковъ, стремительно несутся вокругъ земного шара? Рѣшительно непостижимо, что каждый фіолетовый лучъ состоитъ изъ шести сотъ девяносто девяти билліоновъ колебаній въ секунду, и что каждый свѣтовой лучъ пересѣкаетъ всѣ другіе свѣтовые лучи на цѣломъ протяженіи и, все-таки, безпрепятственно устремляется по прямой линіи. Наука допускаетъ и большее: часто она принимаетъ явныя и необъяснимыя противорѣчія. Кислоты, щелочная соль и вода, какъ извѣстно, имѣютъ близкое химическое сродство, сильное взаимное притяженіе, почему и стремятся, въ случаѣ ихъ соединенія, къ совмѣстной комбинаціи.

Однако, посредствомъ гальваническаго электричества и асбеста, химикъ можетъ сдѣлать чашу изъ алкали и другую—изъ ацида, мѣняетъ ихъ положенія, при чемъ та и другая перекрещиваютъ поставленную между ними чашу воды; всѣ три субстанціи находятся въ постоянномъ контактѣ и, тѣмъ не менѣе, не образуютъ никакой комбинаціи. Столь поразительное противорѣчіе, какъ этотъ перерывъ химическаго сродства, является неразрѣшимой загадкой. Или, далѣе, объясните тайну недавно открытаго элемента—радія, испускающаго теплоту и проникающій свѣтъ безъ сгоранія, безъ истощенія или какого-либо химическаго измѣненія. Краеугольнымъ камнемъ современнаго естествознанія служитъ законъ, по которому ничто не совершается безъ затраты требуемаго количества энергіи,—и вотъ предъ нами оказывается субстанція, постоянно порождающая свѣтъ и теплоту, непрерывно выпускающая цѣлый потокъ матеріальныхъ частицъ, безъ воспособленія со стороны какого-либо внѣшняго источника энергіи. Однако физики принимаютъ, экспериментируютъ и утилизируютъ это явное противорѣчіе ихъ законамъ, будучи рѣшительно не въ силахъ объяснить такую тайну. Затѣмъ, посредствомъ прибавленія кислотъ, безцвѣтная жидкость можетъ измѣниться въ темную, видоизмѣниться въ прозрачную; но какъ избирательное сродство въ кислотахъ, металлахъ и щелочахъ производитъ попеременно поглощеніе и передачу свѣта,—для насъ это остается совершенно непостижимымъ. Или кто можетъ объяснить, какимъ образомъ каждый кусокъ большого магнита, разбитаго на тысячи частей, самъ становится малымъ магнитомъ, имѣющимъ два полюса, поднимающимъ свою собственную тяжесть, притягивающимъ желѣзо, не смотря на промежуточные тѣла, сообщающимъ свою силу, безъ умаленія ея, при соприкосновеніи съ желѣзными предметами, и, когда бываетъ повѣшенъ, берущимъ такое же направленіе, какое указывается другими частицами? Кто можетъ объяснить тайны притяженія, процессы питанія и роста животнаго и растительнаго царства, дѣятельность органовъ чувствъ, способъ перцепціи или происхожденіе жизни? Несомнѣнный прогрессъ знанія въ отношеніи неразрушимости атомовъ, эквивалента и соотношенія силъ, повидимому, является пережиткомъ сознанія въ соотвѣтствіи съ сокровенными тайнами природы.

Еще изъ временъ сѣдой древности наука утверждала, что человѣческій умъ долженъ смотрѣть на міръ сквозь призму

явленій. Земля представляется наблюдателю плоской; солнце кажется вращающимся вокругъ земли; и въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ люди довѣряли непосредственному впечатлѣнію. Но разсудокъ восторжествовалъ, въ концѣ концовъ, надъ чувствомъ и чрезъ видимость дошелъ до реальности. Смерть представляется окончаніемъ всего; однако посредствомъ тысячи указаній разумъ научаетъ смотрѣть сквозь самую смерть и за предѣлами гроба созерцать вѣчную жизнь. Если, теперь, мы допускаемъ тайны одинаково поразительныя въ окружающей насъ физической природѣ, то почему же мы станемъ медлить признаніемъ посмертнаго бытія, на основаніи тысячи предуканій, ссылаясь только на непостижимость его нашему пониманію? «Существуетъ философія», пишетъ Викторъ Гюго, «отрицающая безконечное. Есть еще и такая, по ученію которой нѣтъ грѣха; имя такой философіи—ослѣпленіе. Недостаточность нашихъ чувствъ считать за источникъ истины представляетъ собою несомнѣнное доказательство человѣческой слѣпоты».

Второй сильный аргументъ, представляемый наукой въ пользу самостоятельнаго существованія души послѣ разрушенія мозговой субстанции, происходитъ изъ постепеннаго открытія закона *эволюціи*. На первый взглядъ этотъ необъятный процессъ универса представлялся свидѣтельствомъ противъ безсмертія. Когда человѣчество открыло, что вселенная, какъ она существуетъ теперь, яко бы произошла не сразу, а образовывалась постепенно въ продолженіе цѣлаго ряда вѣковъ, что планеты произошли изъ туманной матеріи, всѣ живые организмы, включая сюда и человѣка,—изъ немногихъ примитивныхъ жизненныхъ формъ, или отъ одной, съ модификаціей или варіаціей, посредствомъ борьбы за существованіе, естественнаго подбора и побѣды сильныхъ надъ слабыми,—оно тревожно спрашивало себя: гдѣ же здѣсь мѣсто для души? Человѣкъ представляетъ собою не больше, какъ только развитое, благодаря естественному подбору, животное! Но болѣе основательная наука открыла мѣсто для души. Не входя въ обсужденіе сомнительныхъ эволюціонныхъ предположеній, остановимся лишь на томъ, что прямо относится къ предмету нашей рѣчи.

По прежнему взгляду на эволюцію, человѣкъ произошелъ путемъ послѣдней; теперь нашли болѣе правильнымъ обратное выраженіе, что самая *эволюція произошла отъ человѣка*, т. е., что объектомъ, намѣреніемъ, цѣлью необъятной схемы

съ самага начала служило совершенствованіе человѣчества; какъ для монумента предварительно воздвигается основа, такъ и эволюція произошла для человѣка, какъ ея вѣнца и завершенія. Слѣдуя, шагъ за шагомъ, по пути эволюціи, мы видимъ, что ея система состояла въ прогрессивномъ развитіи къ достиженію болѣе и болѣе высокихъ формъ жизни, съ сохраненіемъ всего прошлаго совершенства и съ постепеннымъ приобрѣтеніемъ еще большаго, посредствомъ восхожденія чрезъ неорганическое и органическое къ духовной жизни и къ сознанию, до высшей точки развитія въ человѣкѣ. Такой же самый процессъ, затѣмъ, продолжается и въ человѣкѣ, устремляясь къ самому высокому въ послѣднемъ, чѣмъ отличается человѣкъ отъ другихъ тварей, т. е., своей разумной и нравственной природой. Душевная эволюція постепенно проявляется въ тождествѣ самосознанія, въ умѣ, въ пониманіи, въ сознаніи свободы и нравственной отвѣтственности, включительно до высшей эволюціонной стадіи—въ чувствахъ симпатіи, любви и самопожертвованія. Въ чемъ же состоитъ завершительная цѣль этого процесса? Только ли въ развитіи рода человѣческаго? Въ томъ ли, что каждое поколѣніе подымается на высшую ступень умственного и нравственного развитія? Несомнѣнно, что это такъ, но не все, потому что, по научнымъ же даннымъ, земля со всею своею цивилизаціей исчезнетъ, и, если конечною цѣлью эволюціи служило только развитіе человѣчества, то процессъ, обнаруживавшій на всѣхъ стадіяхъ своего развитія столько логическаго порядка и разума, внезапно завершился бы ничтожествомъ. Отсюда ясно видно, что объектомъ разсматриваемаго процесса служитъ развитіе высшихъ способностей въ человѣкѣ, его духовное усовершенствованіе. Такъ, восходящая отъ эгоистической дикости до героическаго самопожертвованія, человѣческая эволюція свидѣтельствуетъ о томъ, что земной міръ служитъ только первымъ этапомъ на пути къ высочайшему совершенству. Здѣсь-то, именно, происходитъ соглашеніе вѣры съ знаніемъ. Наука настойчиво утверждаетъ, что конечная цѣль жизни состоитъ въ духовномъ усовершенствованіи человѣка; однако, не взирая на свои старанія, она не въ силахъ достигнуть искомага идеала. На этой стадіи въ помощь наукѣ приходитъ религія и предоставляетъ человѣка въ соотношеніе съ духовными реальностями, вдохновляющими, руководящими и помогающими ему въ стремленіи къ этому идеалу. Наука приводитъ человѣка только къ по-

дошвъ Гиммалаевъ, показываетъ ему тропу и снѣжныя вершины, возвышающіяся въ небесномъ эфирѣ надъ плавающими облаками; но у нея не хватаетъ силъ вести его въ далекую высь, и,—беспомощная,—она падаетъ въ изнеможеніи. Въ это время за его руку берется религія, возноситъ его вверхъ, поддерживаетъ и ведетъ такъ, чтобы онъ могъ продолжать крутой подъемъ сквозь облака смерти, къ той блаженной цѣли, которую видѣла, но была не въ силахъ достигнуть сама наука. Таковъ единый процессъ человѣческой эволюціи, производимой сотрудничествомъ вѣры съ знаніемъ, въ направленіи къ цѣли высшаго совершенства.

Разсматривая въ цѣломъ этотъ телеологическій процессъ, разумно ли допустить возможность, что онъ совершенно рушится, уничтожится и, въ концѣ концовъ, завершится бессмысленнымъ хаосомъ? Можетъ ли человѣческій разумъ, хоть на мгновеніе, допустить мысль, что цѣлый универсъ,—если стать на точку зрѣнія эволюціонной теоріи,—мучительно трудился и пережилъ столько ужасныхъ катаклизмовъ лишь затѣмъ, чтобы, предоставивъ вѣнцу творенія—человѣку восемь или девять десятилѣтій жизни, при совершенной невозможности осуществить свой идеалъ, въ концѣ концовъ низвергнуть его въ бездну бессмысленнаго небытія? Если невѣроятной представляется мысль о какомъ-либо знаменитомъ ваятелѣ, неутомимо трудившемся надъ художественнымъ произведеніемъ, не взирая на нищету и всякія лишенія, только бы довести его до конца, и, наконецъ, достигнувшемъ цѣли, но только затѣмъ, чтобы въ одно мгновеніе разбить въ куски плоды долготѣяго труда, терпѣнія и жертвъ; то во сколько же болѣе невѣроятною является мысль о Творцѣ, созидавшемъ совершеннѣйшее изъ существъ—человѣка съ тою единственною цѣлью, чтобы въ одинъ несчастный день низвергнуть его въ бездну небытія?!. «Захотите ли вы», спрашиваетъ Эмерсонъ, «приложеніемъ неуспящихъ заботъ и трудовъ произвести изъ воспитываемыхъ вами дѣтей образцы совершенства и, затѣмъ, вдругъ разстрѣлять ихъ?» Такимъ образомъ, неисчислимое множество понесенныхъ цѣлою системою трудовъ служить залогомъ посмертнаго существованія человѣка.

Итакъ, непререкаемый законъ эволюціи состоитъ въ сохраненіи превосходнѣйшаго. Но высшимъ и предпочтительнѣйшимъ, по сравненію съ цѣлымъ твореніемъ, произведеніемъ является моральная природа человѣка. Какимъ же, спрашивается, образомъ этотъ законъ оказался бы безсильнымъ въ